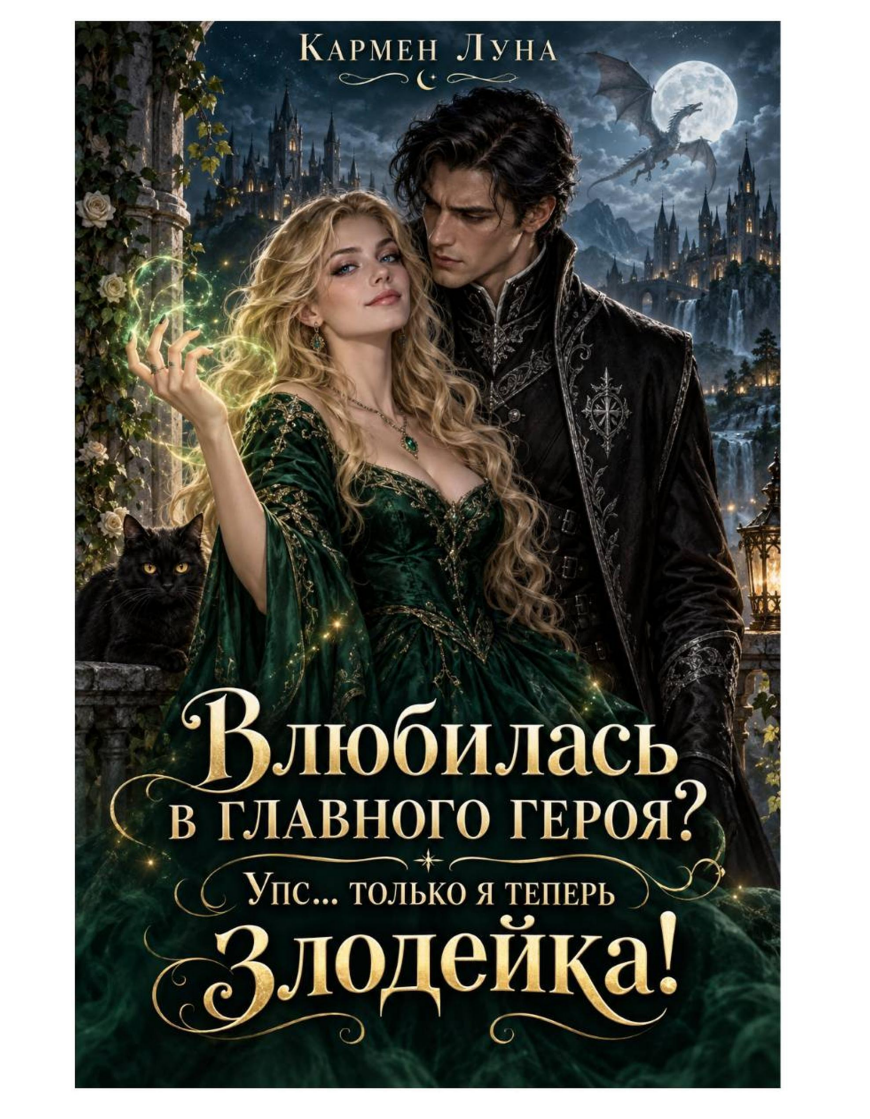

КАРМЕН ЛУНА

Влюбилась
в ГЛАВНОГО ГЕРОЯ?

УПС... ТОЛЬКО Я ТЕПЕРЬ
ЗЛОДЕЙКА!

Кармен Луна

Влюбилась в главного героя?

Упс...только теперь я злодейка

<https://litres.ru/74430524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Редактировала я, значит, книгу, пускала слюни на красавчика героя, а потом УПС и проснулась в этой самой книге, в теле...Нет! Не главной героини! А главной гадины сюжета. Антагонистки и ведьмы. Через три дня меня казнят. Впридачу я получила вредного кота. Герцог так и остался красавцем, а я так и пускаю на него слюни, только он женится на главной героине сразу после моей казни....Но она тоже не совсем прям героиня. И все совсем не так как в книге. Как будто автор книгу нарочно приукрасила. Короче, мне надо со всем этим разобраться и желательно остаться живой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Кармен Луна
Влюбилась в главного
героя? Упс...только
теперь я злодейка

Влюбилась в главного героя? Упс... только я теперь злодейка!

Кармен Луна

Глава 1

Елена

Я проснулась в аду. Мне было двадцать девять; ещё вчера я считала самым страшным в жизни сорванный редакционный срок.

Нет, серьезно. Если бы мне сказали, что ад — это не огненная преисподняя с котлами и грешниками, а ледяная камера, пропахшая сыростью и отчаянием, я бы... наверное, не поверила. Но сейчас, когда каждый мой вдох превращался в облачко пара, а задница замерзала на каменном полу так, что впору было чеканить на ней монеты, я была готова пересмотреть свои взгляды на загробную жизнь.

Голова раскалывалась, будто кто-то устроил в черепной коробке рейв-вечеринку с участием тяжелой артиллерии. Я застонала, попыталась сесть и... заорала.

На меня смотрел кот. Огромный. Черный. С глазами цвета расплавленного золота. И этот кот... говорил.

— Наконец-то проснулась, милочка, — протянул он таким томным голосом, будто только что проснулся после восьмичасового сна и теперь лениво потягивался. — А я уж думал, ты решила притвориться трупом до скончания веков.

Я заморгала. Потом заморгала еще раз. Потом ущипнула себя за руку.

Больно.

Кот продолжал смотреть на меня с выражением философа, который только что постиг истину бытия и теперь снисходительно наблюдает за суетой смертных.

— КОТО-О-ОТ ГОВОРИТ! — выдала я, отползая к стене. — Я спятила! Или умерла! Или меня похитили инопланетяне и провели над мозгом эксперименты!

— Какая драма, — протянул кот, зевнув так, что я увидела все его острые зубы. — Ты не спятила. К сожалению. Хотя, учитывая обстоятельства, это было бы даже удобнее.

Он начал вылизывать лапу с таким видом, будто мое присутствие было лишь незначительной помехой в его важных кошачьих делах.

— Кто ты? — прошипела я, прижимаясь спиной к ледяной стене. Холод пронзил позвоночник, как нож, но отползать обратно к говорящему зверю я не собиралась. — Что происходит? Где я?!

Кот закончил с лапой и перешел к умыванию морды. Неспешно. Методично. Будто у нас была вечность.

— Меня зовут Полночь, — наконец соизволил он ответить. — А вот кто ты — вопрос куда более интересный. Потому что ты определенно не Моргана.

— Я Елена! — Голос сорвался на визг. — Редактор! Я работаю дома, редактирую романы, и последнее, что я помню...

Стоп. Последнее, что я помню?

Книга. Это книга, которую я редактировала. Я открыла ее, начала читать, и...

— О боже, — прошептала я, хватаясь за голову. — Эта долбаная книга! Она засосала меня! Как... как в «Бесконечной истории»! Только там был хотя бы симпатичный мальчик и летающая собака!

— С твоим миром я знаком по рассказам Морганы, — Полночь перестал улыбаться. — Но её голос в нашей связи исчез. А ты называешь себя Еленой. Мне нужно понять, что произошло.

— Откуда мне знать?! — Я вскочила на ноги и тут же пожелела об этом. Голова закружилась, ноги подкосились, и я схватилась за стену. — Я... погоди...

Я посмотрела на свои руки. Это были не мои руки.

Тонкие, изящные, с длинными пальцами. Кожа бледная, почти прозрачная. На запястьях — тяжелые железные браслеты, соединенные короткой цепью.

— Что... — Паника поднималась волной, накрывая с головой. — Что за...

Рядом со мной на полу темнела лужа воды. Я наклонилась, всмотрелась в свое отражение и...

Охренеть.

На меня смотрела красотка из тех, что заставляют мужчин врезаться в столбы. Светло-золотые волосы казались почти белыми в лунном свете, огромные голубые глаза смотрели испуганно. Кукольное личико, пухлые губы — и ни одной знакомой черты.

Я выглядела, как чертова принцесса Диснея, только с си-

няком под глазом и выражением лица, больше подходящим для финальной девушки из хоррора.

— Это не я, — прошептала я. — Это не мое тело!

— Да, чужое, — подтвердил Полночь, и на этот раз в его голосе не было насмешки. — Лицо Морганы. А взгляд твой. Прежде я видел ваш мир лишь в её зеркале, но разницу понимаю.

— Заткнись, — рявкнула я, разворачиваясь к нему. — Где я? Что со мной случилось? И почему я в наручниках, как героиня плохого порно?!

Кот посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты в теле Морганы, — кот поджал лапы, словно ему тоже стало холодно. — Её душу я больше не чувствую. Последнее, что она успела передать мне, — образ книги. Тебя обвиняют в страшном преступлении. Завтра начнут допрос. Остальное выясним, если останемся живы.

Я открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— У меня истерика, — выдавила я.

— Дыши, милочка, — попросил кот, неожиданно встревожившись. — Сейчас важнее...

Он не договорил.

По коридору загрохотали тяжелые шаги. Железные, гулкие, как удары молота по наковальне. Я замерла, сердце бешено заколотилось.

Полночь присел, уши прижались к голове.

— Он идет, — прошипел кот. — Инквизитор. Не говори

ничего глупого.

— А что здесь вообще не считается глупостью? — спросила я, чувствуя, как от страха сводит челюсти. — Я даже собственного лица не узнаю.

— Например, не упоминай, что ты из другого мира, — буркнул Полночь. — Здесь за меньшее сжигают на кострах.

— Прекрасно, — выдохнула я с отчаянием. — Даже правду говорить нельзя.

Дверь распахнулась с таким грохотом, что я подпрыгнула. И в камеру вошел... О. Боже. Мой.

Если бы кто-то попросил меня описать идеального героя темного романа, я бы описала его. Высоченный — метр девяносто пять, не меньше. Широкие плечи, затянутые в черные доспехи. Длинные черные волосы, небрежно собранные на затылке. Резкие, мужественные черты лица, будто высеченные из мрамора.

И эти глаза.

Темно-карие, почти черные. Холодные, как лед Ламинии. Пронзительные, видящие насквозь.

Через бровь шел шрам — тонкий, белый, делающий его похожим на героя боевика, который прошел через ад и выжил.

Мое сердце сделало кульбит, врезалось в ребра и попыталось сбежать через горло.

Ого.

— Очнулась, ведьма? — Голос низкий, бархатный, с хри-

потцой. Голос, от которого мурашки бегут по коже.

Я сглотнула. Попыталась собраться с мыслями.

— Ведьма? — Мой голос прозвучал слишком высоко. — Простите, но вы, кажется, ошиблись адресом. Я... э... туристка?

Его глаза сузились. Он сделал шаг вперед, и я рефлекторно отступила, спиной упираясь в стену.

— Заткнись, — процедил он сквозь зубы, и от его ледяной ярости я поёжилась. — Что ты сделала с Оксанией? Как снять проклятие со святой девы?

— Оксания? — Я заморгала, пытаюсь вспомнить сюжет рукописи, которую редактировала. — Святая Оксания? Она же... в порядке? Разве нет?

Что-то в его взгляде дрогнуло. Мелькнула боль — острая, режущая — быстро сменившаяся яростью.

— В ПОРЯДКЕ?! — Он шагнул ближе, нависая надо мной. — Ты превратила ее в ЧУДОВИЩЕ! Наложила на нее проклятие, исказила ее облик! Она кричала от боли, когда ее тело коржило. Я видел, как она превращалась в МОНСТРА!

Ох. Черт!

Я вспомнила. В книге злая ведьма Моргана наложила страшное проклятие на святую Оксанию, пытаюсь убить ее. Превратила ее в жуткую демоницу. Но благородный принц (ну, в данном случае, герцог) спас ее, принес волшебное противоядие...

— Слушайте, — начала я, поднимая руки в примирительном жесте (насколько это вообще возможно в наручниках), — я понятия не имею, о чем вы говорите. Я не накладывала никаких проклятий! Я даже колдовать не умею!

— ЛЖЕШЬ! — рывкнул он, и от этого крика я вжалась в стену. — Я видел! Своими глазами! Ты стояла над ней, читала заклинание, и она... она...

Его голос дрогнул. Я увидела, как сжались его кулаки, как напряглись мускулы под доспехами.

— Она превратилась в исчадие ада, — закончил он тише, но от этого не менее страшно. — Кожа почернела, выросли когти, клыки... Она корчилась от боли и кричала. КРИЧАЛА. И ты стояла и смеялась.

— Я не смеялась! — вырвалось у меня. — То есть... не я! То есть... Черт!

Я запуталась в собственных словах. Как объяснить, что это сделала не я, а предыдущая владелица этого тела? Как сказать, что я вообще из другого мира и попала сюда случайно?

— Слушайте, сэр... ваше высочество... — я запнулась, мучительно пытаюсь вспомнить правильное обращение.

— Герцог, — отрезал он. — Герцог Деймон де Мариньи. Глава ордена «Живая Роза». Охотник на ведьм. И твой палач.

Охрененно. Просто охрененно.

— Окей, герцог, — я попыталась улыбнуться, но получи-

лось, скорее, как оскал. — Не давят ли вам доспехи? Вы выглядите... скованно. Может, расстегнете пару ремешков? А то у вас прямо вены на шее вздулись.

Он замер. Непонимание мелькнуло в темных глазах.

— Что?

— У вас реально крутой косплей на рыцаря тьмы, — продолжила я, чувствуя, что теряю последние остатки здравомыслия. — Seriously, шрам добавляет харизмы. Вы случайно не модель? Потому что скулы — просто убийственные.

— О чем ты, черт возьми, говоришь?! — Он наклонил голову, разглядывая меня, как диковинное насекомое. — Какой еще косплей?!

Рядом Полночь издал звук, который можно было интерпретировать как «она точно спятила».

— Ничего, — вздохнула я. — Забудьте. Просто... у меня стресс. Знаете, когда тебя обвиняют в преступлении, которого ты не совершала, это немного... выбивает из колеи.

— Ты СОВЕРШИЛА его! — прорычал он. — Я ВИДЕЛ!

— Вы видели Моргану! — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

Он замер.

— Что? — переспросил он с ледяным подозрением.

Охренеть. Я только что проговорилась.

— То есть... — я лихорадочно соображала, — я хотела сказать...

Но он уже смотрел на меня другим взглядом. Изучающим.

Подозрительным.

— Ты говоришь странно, — медленно произнес он, делая шаг вперед. — Не так, как обычно. Другие слова. Другой... тон.

— Стресс! — быстро выпалила я. — Я же говорю, стресс! Когда тебя собираются казнить, начинаешь нести всякую чушь!

Он продолжал смотреть. Слишком долго. Изучающе. И вдруг я остро осознала, как близко он стоит.

Как пахнет — кожей, металлом и чем-то терпким, кедровым, кружащим голову.

Как смотрит — темными глазами, в которых плескалась ярость, смешанная с чем-то еще.

Мое сердце забилося быстрее. Щеки запылали. Что-то внутри — глубоко, в самой сердцевине — дрогнуло, потянулось к нему, как цветок к солнцу.

Нет-нет-нет, только не это... И в этот момент что-то щелкнуло.

Воздух в камере изменился. Стал густым, тягучим, наполненным чем-то невидимым, но осязаемым. Аромат ванили и меда заполнил пространство, смешавшись с холодом и сыростью камеры, создавая удушающий контраст. Тепло разлилось по телу волной, заставляя кожу покрываться мурашками.

Магия. Это была чертовая магия, которая исходила от меня, как духи? О, боже! Я реально ведьма Моргана?

Герцог замер. Его зрачки расширились, глаза потемнели до черноты. Дыхание сбилось. Ноздри раздулись, будто он уловил какой-то дурманящий аромат.

Он смотрел на меня так, будто увидел впервые. Будто я была источником света в вечной тьме. Будто я была глотком воды в пустыне.

— Какого... — прохрипел он, и в этом слове было больше удивления, чем ярости.

Я попыталась отступить, но за спиной была стена. Холодная, безжалостная, не оставляющая путей к отступлению.

Он поднял руку — медленно, как во сне — и коснулся моего подбородка. Пальцы горячие, грубые, мозолистые от рукояти меча.

Я ахнула. Электричество пробежало по коже от точки прикосновения, как разряд тока.

— Что ты делаешь? — прошептал он, голос стал ниже, хриплым от чего-то темного и голодного. — Что ты, черт возьми, делаешь со мной, ведьма?

— Я ничего не делаю, — выговорила я, испугавшись перемены в его голосе.

Он наклонился. Его лицо в сантиметрах от моего. Я видела каждую ресничку, каждую линию шрама, каждую грань точеного подбородка. Видела, как бешено бьется пульс на его шее.

— Колдунья, — выдохнул он, и в этом слове было обвинение, проклятие и... что-то еще. Что-то жаркое и опасное.

А потом его губы накрыли мои. И мир взорвался.

Это не был нежный поцелуй. Это не было целомудренное касание губ. Это было нападение. Яростное, голодное, безжалостное. Он целовал меня так, будто хотел поглотить целиком, растворить, стереть с лица земли и оставить только себя.

Его рука зарылась в мои волосы, притягивая ближе, почти больно. Другая обхватила талию, прижимая к холодной стене так сильно, что я чувствовала каждую линию его тела сквозь доспехи. Холодный металл впивался в кожу, но это не имело значения, потому что его губы были горячими, обжигающими.

Я должна была оттолкнуть его. Закричать. Плюнуть в лицо. Врезать коленом в пах.

Вместо этого я ахнула — и он воспользовался этим, углубляя поцелуй. Его язык скользнул в мой рот, требовательный, властный, не оставляющий выбора. Он исследовал, завоевывал, присваивал.

И я... о господи, я ответила.

Мои руки — скованные наручниками, но все еще способные двигаться — вцепились в его доспехи. Я притянула его ближе, отвечая на поцелуй с такой же яростной жадностью. Мир исчез. Осталось только тепло его тела, вкус его губ — темный, пряный, с привкусом чего-то запретного и сладкого одновременно — и безумное колотящееся сердце.

Он целовал меня, будто это было последнее, что он мог

сделать перед смертью. Будто я была воздухом, водой, жизнью. Будто он умирал от жажды, а я была единственным источником в пустыне. Его пальцы впивались в мою талию, почти до боли, оставляя следы, которые потом превратятся в синяки.

Время растянулось, превратилось в тягучую патоку. Секунда. Минута. Вечность. Я не знала. Я чувствовала только его — горячего, твердого, невозможного.

А потом он РЕЗКО отстранился.

Рывком, будто его ударило током. Или облили ледяной водой.

Он отшатнулся на шаг, потом еще один, хватаясь за голову обеими руками. Дышал тяжело, рвано, как после марафона. Смотрел на меня с ужасом, яростью и... болью?

— Что... — прохрипел он, и голос дрогнул. — Что я делаю?! Какого черта я...

Я прислонилась к стене, пытаюсь отдышаться. Губы горели, распухшие и чувствительные. Все тело пылало, как будто меня окунули в расплавленное золото. Между ног пульсировало жаром.

— ТЫ ОКОЛДОВАЛА МЕНЯ! — рявкнул он внезапно, и в его голосе была такая ярость, что я вздрогнула. — СНОВА! Ты... ты наложила на меня чары!

— Я?! — выдавила я, касаясь губ дрожащими пальцами. — Что?! Я даже не... я не умею!

— ЛЖЕШЬ! — Он отступил к двери, держась за косяк,

будто боялся, что снова бросится ко мне. — Ты... колдунья... ты очаровала меня! Заставила... черт!

Он провел рукой по лицу, по волосам, явно борясь с собой.

— Это чары, — прорычал он, больше себе, чем мне. — Просто чары. Магия. Она использует магию, чтобы...

— Послушай, красавчик, — огрызнулась я, приходя в себя, — если бы я умела колдовать, я бы не сидела в этой чертовой камере в наручниках! Я бы давно уже слиняла отсюда и...

— МОЛЧАТЬ!

Он смотрел на меня долгим взглядом. В его глазах боролись ярость, желание, страх и что-то еще — отчаяние?

— Ты... — он сглотнул, — ты будешь гнить здесь до скончания веков. Завтра допрос. пытки. И я докопаюсь до правды. Узнаю, как снять проклятие с Оксании. Клянусь всеми богами.

— Постойте, я не знаю, как это снять! — крикнула я ему вслед, уже ненавидя мольбу в своём голосе.

— Оксания — святая дева! — перебил он, и в его голосе прорвалась боль. — Я принёс противоядие, вернул ей прежний облик. Но она говорит, что зелье лишь сдерживает проклятие. Я не позволю тебе мучить её снова. Она согласилась стать моей женой, а ты ответишь за то, что сделала.

Он развернулся к двери.

— Завтра, — бросил он через плечо. — Завтра я вернусь.

И ты расскажешь мне все.

— Да выслушайте же меня! — я дёрнулась к двери, и цепь больно впилась в запястья.

— Молчать! — бросил он с такой яростью, что я отпрянула.

Он вышел из камеры. Дверь захлопнулась с оглушительным грохотом. Звук тяжелых шагов удалялся по коридору — быстрых, будто он убегал.

Тишина.

Я медленно сползла по стене на пол. Ноги не держали. Все тело дрожало. Я коснулась губ — распухших, все еще горячих от его поцелуя.

— Ну ты даешь, редактор, — протянул Полночь, выходя из тени в углу. На его морде было выражение глубокого философского удивления. — Не прошло и пяти минут, а ты уже довела герцога-инквизитора до целовательного безумия. Это, должен признать, впечатляет.

— Я НЕ СПЕЦИАЛЬНО! — заорала я, зарываясь лицом в колени. — Я вообще не понимаю, что произошло!

— Чары соблазна, — спокойно сообщил кот, сворачиваясь рядом и начиная вылизывать лапу. — У Морганы они были, но контролируемые. Она могла включать и выключать их по желанию. А у тебя... — он хмыкнул, — похоже, когда видишь красивого мальчика — бабах! Автоматом. Непроизвольная реакция.

— Заткнись, — простонала я, чувствуя, как краснею до

корней волос. — Просто... заткнись.

— Он собирается жениться на Оксании, — напомнил кот уже без улыбки. — А ты сейчас для него опасный соблазн, который проще объявить колдовством.

Я подняла голову.

— На Оксании... — повторила я с горечью. — Он ведь сам только что сказал. А я почему-то перестала слышать после слова «умрёшь».

— Именно, — Полночь перешел ко второй лапе. — Он спас ее. Принес волшебный эликсир, который она попросила. Она выпила, и — вуаля! — снова красавица. Теперь он очарован ею и готовится к свадьбе.

Я хмуро смотрела на кота. В рукописи всё казалось простым: святая, злодейка и герой. Теперь я сидела в теле злодейки и совсем не понимала, почему должна верить этому распределению ролей.

Я замолчала.

А что, если в рукописи все было неправильно? Что, если я попала в мир, который сильно отличается от книги?

— Хорошо, — прохрипела я. — Давай по порядку. Где я? Что происходит? И КАК МНЕ ПОПАСТЬ ДОМОЙ?

Полночь вздохнул — долго, театрально, как актер перед монологом.

— Долгая история, милочка. Но у нас есть время. — Он посмотрел на дверь. — До завтрашнего допроса. А там... — он замолчал, — там будут пытки. Дыба. Возможно, раска-

ленное железо. Инквизиторы тут креативные.

Я уставилась на него.

— Ты шутишь?

— Хотел бы я, — вздохнул он. — Но нет. Так что если хочешь выжить, нужно сбегать. Причем быстро.

— СБЕГАТЬ?! — взвизгнула я. — Я не умею сбегать! Я редактор! Моя самая большая физическая активность — это дойти до холодильника за третьим куском пищи!

Полночь закатил глаза так мастерски, что я позавидовала.

— Тогда учись быстро. Потому что завтра этот красавчик-герцог придет снова. И поверь, целоваться он больше не будет. Скорее всего, принесет дыбу. Или раскаленные щипцы. Или и то, и другое.

Я застонала, прислоняясь затылком к стене.

За решеткой мерцал лунный свет Ламинии. Вечная ночь. Вечная зима. Мир, в котором я ненавистная ведьма. Мир, в котором меня хотят казнить за преступление, которого я не совершала. Мир, в котором есть говорящие коты и магия, и герцоги с темными глазами, целующиеся так, будто хотят украсть не только дыхание, но и душу.

— А домой я смогу вернуться? — прошептала я, не поднимая глаз. От ответа зависело слишком многое.

— Не знаю, — признался Полночь после тяжёлой паузы. — Обратного пути я не вижу. Но и о таком переселении прежде только читал. Обещать тебе возвращение было бы жестоко.

Я закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Выдох.

— Окей, — выдавила я. — Окей. Значит... значит мне нужно выжить. Сбежать. А потом... а потом разберемся.

— Вот это дух! — Полночь мурлыкнул. — Мне нравится. Я открыла глаза, посмотрела на кота.

— Только объясни мне одну вещь, — попросила я, краснея от собственного вопроса.

— Слушаю, — кот с любопытством поднял голову.

— Почему я всё ещё помню его поцелуй, когда должна думать только о побеге? — спросила я, злясь на себя.

Полночь фыркнул — звук, подозрительно похожий на смех.

— Милочка, — промурлыкал он, — это Ламиния. Здесь даже поцелуи смертельно опасны.

Я уронила голову на колени и застонала. Похоже, мне предстояла долгая, очень долгая ночь.

Глава 2

Если кто-то думает, что после такого поцелуя я мирно усну на холодном полу тюремной камеры, то этот кто-то явно не в курсе, как работает женская психика.

Я не спала. Вообще. Совсем.

Лежала на этом чертовом ледяном полу, дрожала, как осинный лист на ветру, и прокручивала в голове ту сцену снова и снова, словно заевшая пластинка (да, я знаю, что такое пластинки, я ретро-фанат, окей?).

Его губы. Его руки. Его вкус.

— Хватит, — прошипела я себе под нос, зарываясь лицом в колени. — Хватит об этом думать!

— О чем хватит думать? — послышался ленивый голос Полночи откуда-то из темноты.

Я подпрыгнула.

— Ты не спишь?!

— Я кот, милочка. Мы, в отличие от людей, умеем дремать с открытыми глазами и одновременно следить за происходящим. Эволюция, знаешь ли. — Он материализовался рядом, свернулся калачиком и посмотрел на меня золотыми глазами, светящимися в темноте, как два маленьких фонарика. — И да, ты уже третий час вздыхаешь, как героиня дешевого романса. Это мешает моей медитации.

— Какая, к черту, медитация?! — взвилась я. — Меня

завтра будут пытаться! ПЫТАТЬ, Полночь! Дыбой! Раскаленным железом! А ты тут медитируешь?!

— Именно поэтому и медитирую, — невозмутимо ответил он, начиная вылизывать лапу. — Стресс плохо влияет на шерсть.

Я уставилась на него. Потом на свои скованные руки. Потом снова на кота.

— Ты издеваешься?

— Всегда, — он перешел ко второй лапе. — Это часть моего обаяния.

Я застонала, роняя голову на колени. Где-то за стенами камеры выла выюга. Ветер свистел в щелях, принося с собой новые порции ледяного воздуха. Мои зубы стучали так громко, что можно было отбивать чечетку.

— Слушай, — Полночь закончил с гигиеническими процедурами и посмотрел на меня серьезно. — Хватит ныть. Давай-ка лучше думать, как нам отсюда выбираться.

— Выбираться? — Я показала ему наручники. — В ЭТОМ? Я даже пошевелиться нормально не могу!

— Сними их, — как будто это было проще простого.

— ЧЕМ?! — Голос сорвался на визг. — У меня тут нет отмычек! Нет пилы! Нет взрывчатки! Вообще НИЧЕГО НЕТ!

— Есть магия, — спокойно заметил Полночь.

Я захохотала. Истерично. Слишком громко для тюремной камеры посреди ночи.

— Магия! Ага! Конечно! Я ведь волшебница! — Я взмах-

нула скованными руками. — Абракадабра! Хокус-покус!
Вингардиум левиоса! Не работает? Странно!

— Ты издеваешься надо мной? — Полночь прищурился.

— НЕТ, ТЫ ИЗДЕВАЕШЬСЯ НАДО МНОЙ! — заорала я. — Я НЕ УМЕЮ КОЛДОВАТЬ! Я РЕДАКТОР! Единственная магия, которой я владею — это способность найти опечатки в тексте на скорости света!

Полночь вздохнул — долго, страдальчески, как учитель, которому достался самый тупой ученик в классе.

— Моргана умела, — произнес он веско. — А ты — в ее теле. Значит, магия в тебе есть. Просто нужно ее... разбудить.

— Разбудить, — повторила я тупо. — Типа как принцессу поцелуем?

— Если хочешь, можешь поцеловать себя, — хмыкнул кот. — Но я бы предложил другой способ.

— Какой? — я подняла на него глаза, боясь новой издёвки.

— Собственный приказ магии, — объяснил кот с нетерпением. — Не заученное заклинание.

Я закатила глаза так сильно, что чуть не увидела собственный мозг.

— Я боюсь сделать хуже, — призналась я, глядя на скованные руки.

— Хуже пыточной будет трудно, — тихо ответил он.

Пауза.

Я сглотнула. После такого довода спорить больше не хотелось.

— Ты редактор, со словами работаешь, — кот нетерпеливо дёрнул хвостом. — Попробуй короткий ритм. Морганы в тебе нет, а её магия осталась: ей нужен понятный приказ.

Я открыла рот. Закрыла. Задумалась.

Ну... технически... я действительно умела писать стишки. В универе даже в КВН участвовала, сочиняла рифмовки для капустников. Но это же не...

— Попробуй, — настаивал Полночь. — Что ты теряешь?

— Достоинство, видимо, придётся оставить здесь, — пробормотала я, горько усмехнувшись.

— У тебя их уже нет, — парировал он. — Ты рыдала полчаса назад, вспоминая, как тебя целовал мужчина, который хочет тебя убить.

— Я НЕ РЫДАЛА! — Лицо вспыхнуло огнем.

— Хотя бы попробуй, — кот уже не улыбался. — Ты сейчас сдашься от страха, а не от бессилия.

— Я не сдаюсь, — прошептала я, злясь на дрожь в голосе.

— Заставь меня, — он ухмыльнулся (да, коты умеют ухмыляться, оказывается). — Заклинанием.

Я уставилась на него. Потом на наручники. Потом на свои дрожащие от холода руки.

Какого черта. Все равно завтра меня поджарят.

— Ладно, — выдохнула я. — Попробую. Но если ничего не выйдет, я буду винить тебя до конца своих дней.

— Которые закончатся завтра на дыбе, — напомнил Полночь. — Давай, редактор. Покажи класс.

Я закрыла глаза. Сосредоточилась.

Что мне нужно? Чтобы наручники открылись? Нет, слишком сложно. Что-то проще.

Инструмент. Мне нужен инструмент, чтобы открыть эти чертовы браслеты.

Метла Морганы! В начале рукописи упоминалась метла с двумя мешочками. Я тогда ещё оставила пометку: «Не забудьте использовать дальше». Ну вот, пригодилась собственная придирка.

Окей. Призвать метлу. Как это сделать? В рифму. С магией. Что-то вроде...

Я открыла рот. И тут же закрыла.

— Это идиотизм, — пробормотала я.

— Давай уже! — поторопил Полночь.

— Я даже произнести это не могу, — призналась я, чувствуя, как горят щёки.

— Начни с одного слова, — предложил кот, смягчившись. — Ты уже однажды заставила её ответить.

Нет. Не было.

Я сжала кулаки (насколько это было возможно в наручниках), набрала полные легкие воздуха и выпалила первое, что пришло в голову:

— Через ночь и через стены,

Отыщи меня, метла.

Помоги разбить мне цепи,

Унеси подальше зла! — выпалила я, вкладывая в слова весь страх, который не могла больше удерживать.

Тишина. Я открыла один глаз. Потом второй. Ничего не произошло.

— Ну вот, — начала я. — Я же говорила, что это...

ГРОХОТ!

Что-то с размаху врезалось в окно. Мутная слюдяная пластина разлетелась, по камню царапнули железные прутья. Я зажала рот ладонью: такой грохот точно слышали.

Я заорала. Полночь подпрыгнул, выгнув спину дугой.

В узкий оконный проём, раздвигая магией железные прутья, протискивалась...

МЕТЛА. Настоящая. Чертова. МЕТЛА.

Старая, потрепанная, с соломенной щеткой и длинной деревянной ручкой. К ней были привязаны два небольших мешочка — один тряпичный, другой кожаный.

Метла протиснулась в камеру и упала к моим ногам. Прутья со скрежетом сомкнулись за ней. Для меня лазейки не осталось.

Я уставилась на нее. Потом на Полночь. Потом снова на метлу.

— Ээээ... — выдавила я. — Это... это только что...

— Сработало, — закончил Полночь, и в его голосе прорывалось нечто похожее на удивление. — Ты, милочка, только что призвала метлу. Неплохо для редактора.

— Получилось, — выдохнула я, схватившись за древко. Ладони дрожали так, что я едва его удержала.

— Стражник идёт, — шепнул кот, прижав ухо к двери. — Пока он доберётся из караулки, освободи руки.

Но я уже не слушала. Я схватила метлу (насколько это было возможно в наручниках) и прижала к себе, как лучшую подругу.

За дверью ещё было тихо, но от этого я боялась сильнее. Я лихорадочно перебирала мешочки. Радоваться будем снаружи.

— Ты все еще в наручниках, — напомнил Полночь. — Так что попридержи свою эйфорию и займись делом.

Я опомнилась. Точно. Наручники.

Быстро развязала тряпичный мешочек — внутри оказались сушеные травы. Приятно пахли, как бабушкин чай. Второй мешочек был интереснее — там лежали гвозди, какие-то металлические штучки и... о боже, ШПИЛЬКИ!

Длинные, тонкие шпильки. На одной золотилась крошечная руна в форме раскрытого замка.

— Знаешь, как открывать замки? — поинтересовался Полночь, наблюдая, как я выуживаю шпильку.

— Только в кино, — призналась я с досадой и вставила шпильку в замок. — Откройся. Пожалуйста.

Руна обожгла пальцы. Металл сам изогнулся, нащупывая механизм.

КЛИК. Наручник на правой руке открылся. Я замерла,

уставившись на свободное запястье.

— ПОЛУЧИЛОСЬ! — заорала я шепотом (да, такое возможно). — О БОЖЕ, ПОЛУЧИЛОСЬ!

Быстро открыла второй наручник. Руки свободны! Я потерла запястья, на которых красовались красные отметины от железа, и расплылась в улыбке.

— Спасибо твоей хозяйке, — прошептала я, пряча погасшую шпильку в мешочек. Самоуверенности хватило бы на взлом. Умения — точно нет.

— Поздравляю, — сухо заметил Полночь. — Теперь осталась мелочь — открыть дверь.

Я посмотрела на массивную деревянную дверь камеры. С железными петлями. Замком размером с мой кулак. И, судя по всему, магическими печатями, которые слабо мерцали в темноте.

— Ага, — протянула я. — Мелочь.

Попробовала потянуть за ручку. Не поддается. Железная, холодная, безжалостная.

— Заклинание? — предложил Полночь.

Я задумалась. Попыталась сочинить что-то в рифму. Но ничего не приходило в голову. Мозг отчаянно буксовал, как машина в снегу.

— Не получается, — призналась я. — Нужна... не знаю... другая идея.

Полночь обошел меня по кругу, разглядывая, как картину в музее.

— У тебя есть чары соблазна, — медленно произнес он.

— Думаешь, я смогу вызывать их снова? — спросила я с сомнением, пряча шпильку.

— Чары, — напомнил кот с досадой. — Ключ не поможет, а стражник откроет сам.

Я уставилась на него.

— Ты хочешь, чтобы я его очаровала? — я почувствовала, как к страху примешивается стыд.

— Хочу, чтобы ты вышла живой, — ответил Полночь. — Заставь его открыть дверь. Остальное решай сама.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла. Я закрыла глаза, ненавидя эту необходимость.

— Попробую, — сказала я, всё ещё чувствуя стыд. — Только чтобы выйти.

— Тогда позови его, — ответил кот с тревогой, прислушиваясь к коридору.

Я посмотрела на свое отражение в луже воды на полу. Растрепанные светлые волосы. Синяк под глазом. Бледное лицо. Губы, все еще припухшие после поцелуя с герцогом.

— Ладно, — выдохнула я. — Попробуем. Но если это не сработает, я официально объявляю тебя самым бесполезным котом в истории.

— Принято, — невозмутимо согласился он.

Я подошла к двери. Приложила ухо. Слышались шаги — размеренные, тяжелые. Стража патрулировала коридор.

Сейчас или никогда.

Я набрала полные легкие воздуха и заорала:

— ПОМОГИТЕ! МНЕ ПЛОХО!

Шаги остановились.

— ПОМОГИТЕ! Я... я умираю! Мне холодно! Я не могу дышать!

Я добавила в голос дрожь (что было несложно, учитывая, что я действительно замерзла), капельку отчаяния и щепотку беспомощности.

Шаги приближались. Быстрее. Ближе.

— Что там?! — раздался грубый мужской голос за дверью.

— Я... — я сделала голос тише, слабее, — я замерзаю... пожалуйста... помогите...

Щелкнул замок. Дверь приоткрылась — совсем чуть-чуть, на ширину ладони. В щели показалось лицо стражника — молодой парень, лет двадцати пяти, с щетиной на щеках и настороженными глазами.

— Ты чего орешь? — буркнул он.

Я посмотрела на него. Прямо в глаза.

И... даже не знаю, как это описать. Что-то внутри меня щелкнуло. Как выключатель. Или как кнопка «вкл» на каком-то древнем магическом генераторе.

Воздух снова изменился. Потеплел. Наполнился ароматом ванили и меда. Тягучим, сладким, дурманящим.

Глаза стражника расширились. Он замер, уставившись на меня, как кролик на удава.

— Подойди ближе, — прошептала я, и мой голос стал дру-

гим. Бархатным. Мягким. Обволакивающим, как теплое одеяло. — Пожалуйста... мне так холодно...

Он шагнул в камеру. Потом еще один. Двигался медленно, как во сне. Не отрывал взгляда.

— Дай мне ключи, — попросила я, протягивая руку.

Он послушно полез за поясом, где на связке висели ключи. Снял их. Протянул мне.

Я взяла. Улыбнулась ему — широко, благодарно.

— Спасибо, — выдохнула я. — Ты очень добрый.

А потом толкнула его вглубь камеры, отступая к порогу. Метлу я уже прижимала к боку, а Полночь проскользнул между моими ногами в коридор.

Он пошатнулся, упал на пол с грохотом.

Я выскочила за дверь, захлопнула ее и быстро повернула ключ в замке.

КЛИК.

— ЧТО?! — Стражник вскочил, бросился к двери, задержал ручку. — ЭЙ! ВЕДЬМА! ОТКРОЙ НЕМЕДЛЕННО!

— Извини, красавчик! — крикнула я через дверь. — Ничего личного! Просто бизнес!

— Ловко, — выдохнул Полночь уже за дверью. Он косился на замок, явно не веря, что тот удержит стражника надолго.

— Потом оценишь, — оборвала я его, перехватывая метлу. — Показывай дорогу!

— Тогда быстрее, — согласился кот, нервно оглядываясь

на дверь.

— СТРАЖА! — орал за дверью стражник. — СЮДА!
ВЕДЬМА СБЕЖАЛА!

— Бежим, — скомандовала я.

Мы помчались по коридору. Темно. Холодно. Только лунный свет падает сквозь узкие окна, рисуя на каменном полу серебристые полосы, как в триллере.

Я бежала, сжимая метлу, как копье. Полночь несся рядом, бесшумный, как тень.

За спиной раздались крики. Топот ног. Звон оружия.

— Куда?! — задыхаясь, спросила я.

— Там! — Полночь метнулся влево. — Черный ход! Для слуг!

Мы свернули за угол и пронеслись мимо кухни. С крючка у чёрного хода я сорвала грубый плащ, завернулась в него на бегу. Впереди показалась старая деревянная дверь.

Я попробовала дернуть. Заперто.

— Ключи! — Полночь подпрыгивал на месте. — Давай ключи!

Я судорожно перебирала связку. Один ключ. Второй. Третий. Не подходит! Четвертый...

КЛИК. Дверь подалась.

Я рванула ее на себя, и нас обдало ледяным ветром.

Мы выскочили на улицу. И я замерла. БОЖЕ МОЙ. Ламиния. Это было... красиво. Жутко. Завораживающе.

Вечная ночь расстилалась надо мной бездонным шатром,

усыпанным звездами — такими яркими, такими огромными, что казалось, протяни руку — и дотронешься. Луна висела в небе, как гигантский серебряный диск, заливая все вокруг призрачным светом.

Снег. Везде снег. Белый, пушистый, переливающийся в лунном свете, как рассыпанные бриллианты.

Дома — готические, с острыми крышами и витражными окнами, из которых пробивался теплый свет. На стенах рос светящийся мох — зеленовато-голубой, мерцающий, как гирлянда.

На улицах стояли магические фонари, внутри которых парили светящиеся кристаллы.

— Красиво, — выдохнула я. — Но...

— Холодно, — закончил Полночь. — Да. Добро пожаловать в Ламинию, милочка.

ДЗЫНЬ-ДЗЫНЬ-ДЗЫНЬ! Колокол. Громкий, настойчивый, разносящийся над городом, как набат.

— Тревога, — сообщил Полночь. — Нас хватились.

— КУДА БЕЖИМ?! — заорала я.

— К Мертвому озеру! — Он сорвался с места. — Там паром! Переберемся в другое королевство!

— МЕРТВОЕ ОЗЕРО?! — Я понеслась за ним, проваливаясь в сугробы. — ЭТО НОРМАЛЬНО ЗВУЧИТ?!

— Для Ламинии — да!

Мы метнулись в переулок между домами. Темно. Узко. Пахнет дымом из труб и чем-то сладким — выпечкой?

За спиной раздались крики стражи.

— ТАМ! ОНА БЕЖИТ НА ЗАПАД!

— Быстрее! — шипел Полночь.

Я бежала. Задыхалась. Ноги скользили на ледяных камнях. Легкие горели. Метла била меня по ногам при каждом шаге.

Но я бежала.

Потому что альтернатива — дыба, раскаленные щипцы и герцог с темными глазами, который придет меня пытаться.

А я, как выяснилось, была не готова к пыткам.

Совсем.

Мы вырвались из города. Впереди чернел лес — мрачный, как в фильме ужасов. Ледяные деревья торчали, как скелеты. Между ними мелькали тени.

— Туда, — скомандовал Полночь.

Мы нырнули в лес. И тут я поняла, что начинается самое интересное. Охота только началась.

Глава 3

Знаете, что хуже, чем бежать через лес вечной ночи с говорящим котом и ордой инквизиторов на хвосте?

Я только что сбежала из темницы, где герой моей рукописи оказался моим палачом. И где я успела ответить на его поцелуй. Один — зато какой неуместный.

— Левее, — скомандовал Полночь, грациозно перепрыгивая через поваленное дерево, покрытое серебристым мхом.

Я, в отличие от кота, грациозностью не отличалась. Споткнулась, взмахнула руками, как мельница в истерике, и чуть не впечаталась носом в ствол древней сосны.

— Ты уверен, что знаешь дорогу? — прохрипела я, хватаясь за колючую кору.

Полночь одарил меня взглядом, который обычно прибегают для особо одарённых учеников.

— Дорогая, я топчу эти земли уже девяносто шесть лет. Я знал эти тропы, когда твоя прабабушка ещё не родилась.

— Моя прабабушка жила в Саратове и об этом мире не знала, — выдохнула я, на миг почувствовав почти болезненную тоску по дому.

Кот смущённо дёрнул ухом и перестал спорить о моей прабабушке.

Где-то позади раздался звук охотничьего рога. Протяжный, тревожный, от которого кровь в жилах превращалась в

ледяную кашу. Инквизиторы не отставали.

Конечно не отставали. Их предводитель — тот самый герцог с плечами шкафа и сердцем холодильника — наверняка возглавлял погоню лично. После того, как я его околдовала (случайно!), обчмокала (технически он первый начал!) и сбежала (а вот это уже осознанно), он явно жаждал моей крови.

Или моих губ. Нет. Крови. Определённо крови.

— Быстрее! — рявкнул Полночь. — Мёртвое озеро за тем холмом!

Мёртвое озеро. Звучит оптимистично. Прямо курорт мечты.

Я ускорила, игнорируя боль в боку и ветки, хлещущие по лицу. Моя метла, верная идиотка, летела где-то сверху, периодически врезаясь в деревья и роняя травы из сумки. За нами тянулся след из лаванды и полыни — любой следопыт нашёл бы нас с закрытыми глазами. Метла наконец отозвалась на мой приказ и понесла нас низко над снегом; держать её ровно оказалось куда труднее, чем вызвать.

Холм оказался не холмом, а горой. Маленькой такой, уютной горой, на которую нормальный человек карабкался бы часа два. Я преодолела её за пятнадцать минут — удивительно, что делает с организмом страх быть сожжённой на костре.

И замерла на вершине.

Мёртвое озеро раскинулось внизу, как осколок разбито-

го зеркала. Чёрная вода не отражала ничего — ни луну, ни звёзды, ни деревья на берегу. Она просто... поглощала свет. Втягивала его в себя, как голодный зверь.

По берегам озера стелился туман — густой, молочно-белый, живой. Он двигался, завивался спиралями, тянул щупальца к воде и отдёргивал их, словно обжигаясь.

— Красиво, — выдохнула я.

— Смертельно, — поправил Полночь. — Не вздумай касаться воды. Озеро забирает воспоминания. Окунёшь палец — забудешь своё имя. Окунёшь руку — забудешь, кто ты. Войдёшь целиком...

— Звучит так, будто отнимут что-нибудь вместе с жизнью, — сказала я, с тревогой всматриваясь в чёрную воду.

— Озеро забирает память, а потом человека, — ответил кот с тревогой. — Не подходи к кромке без меня.

Чудесно. Просто чудесно. Впереди — озеро, пожирающее память. Позади — инквизиторы, жаждущие моей смерти. И я — в теле ведьмы, которая не помнит ни одного полезного заклинания.

— И как мы его пересечём?

Полночь кивнул в сторону полуразрушенного причала, еле видного сквозь туман.

— Паромщик. Он перевозит путников за плату.

— Какую плату? — насторожилась я.

— Обычно воспоминание, — неохотно признался кот. — Он сам назначает цену.

Я открыла рот, чтобы возмутиться (серьёзно, что за экономика в этом мире?!), когда земля подо мной содрогнулась.

Нет, не земля. Холм. Холм, на котором я стояла, начал подниматься.

Я завизжала и покатила вниз, цепляясь за траву, камни, корни — за всё, что попадалось под руки. Полночь, этот пушистый предатель, элегантно спрыгнул и приземлился на лапы, наблюдая за моим падением с выражением лёгкой скуки.

Холм продолжал расти. Вернее, не расти — разворачиваться. То, что я приняла за скалы, оказалось чешуёй. То, что приняла за пещеру — ноздрей. То, что приняла за два валуна...

Два глаза — огромных, янтарных, с вертикальными зрачками — уставились на меня с выражением крайнего раздражения.

— Какого... — прогрохотал голос, от которого задрожали деревья, — ...лешего ты топталась по моему носу?

Дракон. Я сидела на земле перед драконом. Настоящим драконом.

С крыльями, хвостом, чешуёй цвета старого серебра и выражением морды, которое я видела только у бабушки, когда её будили раньше десяти утра в субботу.

— Я... — голос мой звучал как писк придавленной мыши. — Я не знала, что это вы. То есть ты. То есть Вы, Ваше Драконье Величество.

Дракон фыркнул. Из его ноздрей вырвались две струйки

дыма, которые едва не опалили мне брови.

— «Ваше Драконье Величество»? — он склонил голову набок, разглядывая меня с интересом энтомолога, обнаружившего особенно уродливого жука. — Давно меня так не называли. Последняя идиотка, которая так сказала, пыталась украсть мой коготь для любовного зелья. Я её съел.

Сглотнула. Громко.

— Я не собираюсь красть ваш коготь.

— Разумеется, не собираешься. — Дракон зевнул, продемонстрировав зубы размером с мою руку. — У тебя для этого кишка тонка. Да и для любовного зелья тебе хватает собственных... талантов.

Полночь подошёл и уселся рядом, оббив хвостом лапы с видом кота, наблюдающего увлекательное представление.

— Жорик, — произнёс он с ноткой застарелой усталости в голосе. — Вижу, ты всё так же приветлив.

Я поперхнулась воздухом.

— Жорик?! — выдохнула я, уставившись на огромную чешуйчатую тушу. — Дракона зовут... Жорик?!

Янтарные глаза сузились до щелочек. Из ноздрей вырвался дым — уже не игривый, а раздражённый.

— Георгий, — прорычал он с ледяным достоинством. — Георгий Драконович Пламенный, Ужас Северных Земель, Хранитель Забытых Сокровищ, Последний из Древних...

— Жорик, — невозмутимо перебил Полночь.

Дракон — Жорик, боже мой, ЖОРИК! — перевёл взгляд

на кота. Если бы взгляды убивали, Полночь превратился бы в котлету. Обугленную котлету.

— Всё ещё таскаешься за ведьмами, как блоха за собакой? — прорычал он.

— Всё ещё прячешь нос под снегом? — Полночь поднял хвост с опасным удовольствием. — А мы едва на тебя не наступили.

Они уставились друг на друга. Я затаила дыхание, ожидая вспышки пламени или хотя бы когтей.

Дракон расхохотался. Смех был похож на обвал в горах — грохочущий, раскатистый, совершенно неуместный посреди леса вечной ночи.

— Скучал по тебе, пушистый засранец.

— Взаимно, чешуйчатый пенсионер. — Полночь облизал лапу с невинным видом. — Кстати, Жора, ты похудел. Или это холм под тобой просел?

— Жо-ра?! — Я всё ещё не могла прийти в себя. — То есть дракон... древний дракон... которому, судя по размерам, лет триста...

— Шестьсот сорок семь, — поправил Жорик с обидой в голосе.

— И за шестьсот сорок семь лет никто не сократил это до Жорика? — спросила я, тщетно сдерживая нервный смешок.

Жорик фыркнул так, что от порыва горячего воздуха моя юбка взметнулась.

— Во-первых, девочка, — прогремел он, наклоняя морду

ко мне, — моё имя было величественным и грозным задолго до того, как твои предки вылезли из пещер. Это люди превратили его в... — он поморщился, — ...в «Жорика».

— Во-вторых, — продолжил Полночь вместо него, — Георгий Драконович обижается, когда его так называют. Поэтому я это делаю при каждой возможности.

— В-третьих, — Жорик выпустил ещё одну струйку дыма прямо мне в лицо, — девочка туповата. Уверен, что она — Моргана? Та Моргана была умнее.

— Это Моргана, — подтвердил Полночь. — Только с новой... начинкой.

Жорик наклонил гигантскую голову, принюхиваясь. Его ноздри — каждая размером с люк — раздулись, втягивая воздух. Он обнюхивал меня, как собака обнюхивает подозрительный пакет.

— Хм. — Его глаза сузились. — Пахнет иначе. Душа другая, но тело то же. И магия... — он снова принюхался, — магия дремлет. Как медведь зимой. Как я до того, как некая идиотка станцевала качучу на моём носу!

— Я не танцевала качучу! — возмутилась я. — Я убегала!

— От кого? — дракон сразу перестал улыбаться.

Звук рога донёсся снова — ближе, отчётливее. Инквизиторы спускались с соседнего холма, их факелы мелькали между деревьями, как злобные светлячки. Жорик шагнул между нами и дорогой. По снегу пробежал огненный след, отрезая погоню. За этой преградой у нас появились несколь-

ко минут.

— От них, — выдохнула я, показывая на склон.

Жорик медленно повернул голову в направлении звука. Движение было величественным и жутким одновременно — как будто гора решила посмотреть на назойливых муравьёв.

— Инквизиция. — В его голосе не было страха. Только бесконечное презрение. — Мальчишки с мечами, которые думают, что могут убить магию.

— Один из них — герцог Деймон, — вставил Полночь. — Глава ордена Живой Розы.

— Знаю. — Жорик снова зевнул. — Его отца звали Родерик. Деда — Максимилиан. А этого — Деймон. — Он фыркнул. — Люди и их пафосные имена. Хоть бы Васю назвали для разнообразия.

Я хихикнула. Не удержалась.

— Говорит дракон по имени Жорик.

Янтарные глаза полыхнули.

— Георгий. Драконович. Пламенный.

— Жо-рик, — протянула я, наслаждаясь его раздражением.

Полночь мурлыкнул — звук чистого злорадства.

— Нынешний герцог, — продолжил Жорик, игнорируя нас, — влюблён в ведьму и пытается это отрицать. Классика.

Я покраснела. Это было нелепо — краснеть перед существом, которое могло сжечь меня одним чихом, — но щёки полыхали огнём.

— Он не влюблён! Он хочет меня казнить!

— Одно другому не мешает, деточка. — Жорик выпустил ещё одну струйку дыма, на этот раз задумчивую. — Люди — забавные существа. Всегда пытаются убить то, что любят. Или съесть. Или и то, и другое.

— После такого я почему-то ещё больше боюсь, — призналась я, пытаюсь улыбнуться.

— Это мудрость веков. — Он поднялся на лапы — все четыре, каждая толщиной с вековой дуб. — Идём. Провожу вас к озеру. Паромщик — мой должник.

— Должник? — Полночь поднял ухо. — Что ты ему одолжил?

— Свою сдержанность. — Жорик оскалился. — Он трижды пытался украсть моё пламя для своих фокусов. Я его трижды не съел. Теперь он мне обязан.

Логика была железной. Безумной, но железной.

Мы двинулись к озеру — странная процессия из дракона размером с пятиэтажный дом, чёрного кота с манерами профессора и девушки в теле ведьмы, которая всё ещё не понимала, как оказалась в этом сумасшедшем мире.

Жорик шёл удивительно тихо для существа своих размеров. Его лапы ступали мягко, чешуя не издавала ни звука, хвост плавно скользил по земле, не задевая ни единого дерева. Идеальный хищник.

Идеальный саркастичный хищник по имени Жорик.

— Значит, — начал он голосом, от которого вибрировал

воздух, — ты — редактор из другого мира, застрявшая в теле ведьмы, которую собираются сжечь за преступления, которых она не совершала?

— Откуда ты знаешь? — я резко обернулась к коту, чувствуя себя преданной.

— Деточка, — перебил он, — я дракон. Мне шестьсот сорок семь лет. Я видел рождение и смерть империй. Читал книги, которые ещё не написаны. Слышал шёпот звёзд и жалобы луны. — Пауза. — И Полночь мне всё рассказал телепатически, пока ты краснела и хихикала над моим именем.

— Предатель! — крикнула я коту.

— Информирование союзников, — невозмутимо поправил Полночь. — И, Жорик, она не хихикала. Она ржала.

— Я смеялась от нервов, — возразила я, опуская глаза. — Иначе бы завывала.

— Ржала, — хором констатировали дракон и кот.

— Твоя ситуация — дерьмо, — подытожил Жорик с прямотой, которую можно было бы назвать освежающей, если бы она не была такой убийственной. — Оксания — та ещё стерва. Знал её, когда она только начинала своё восхождение. Думал, кто-нибудь её прихлопнет раньше, чем она накопит силу. — Вздых, от которого деревья пригнулись. — Переоценил человечество. Как обычно.

— Ты можешь помочь? — с надеждой спросила я.

Жорик остановился. Повернул голову и посмотрел на меня сверху вниз — буквально, потому что я едва доставала

ему до колена.

— Сжечь демоницу я бы попробовал, — процедил дракон, выпуская дым. — Но пока она питается пленными душами, огонь её не добьёт. А вот людей вокруг — запросто. Сначала нужно разрушить тюрьму.

Сердце подпрыгнуло.

— Правда?!

— Мне нужен способ ударить по ней, не сжигая заложников, — отрезал Жорик. — И ты пока нужна живой. Поэтому я доведу вас до озера.

Я прикусила губу. Возразить хотелось, но жечь людей ради моего спасения я тоже не собиралась.

— Я — дракон, девочка. Не герой. Не спаситель. Не рыцарь на белом коне. — Хвост хлестнул по земле, оставляя борозду. — Герои умирают молодыми. Я предпочитаю жить старым. И спать на холмах. И чтобы по моему носу не топтались.

— Особенно по такому чувствительному драконьему носу, — добавил Полночь. — У Жорика нос — его слабое место.

— Георгий, — торопливо поправилась я, не желая снова сердить дракона.

— Жо-рик, — промурлыкал кот.

Полночь потёрся о мою ногу — неожиданный жест утешения.

— Не обращай внимания. Жорик помогает только когда

думает, что никто не смотрит.

— Слышу, пушистый, — проворчал дракон, недовольно косясь на кота.

Кот довольно зажмурился. Последнее слово он оставил себе без всяких слов.

Мы вышли к берегу Мёртвого озера. Вблизи оно выглядело ещё страшнее — чёрная вода казалась густой, как масло, и от неё веяло холодом, который не имел ничего общего с температурой. Это был холод забвения. Холод пустоты.

У полуразрушенного причала покачивалась лодка — старая, деревянная, с бортами, покрытыми странными письменами. На корме стояла фигура в балахоне цвета тумана.

Паромщик.

Он не двигался. Не дышал — насколько я могла судить. Просто стоял, и под капюшоном не было лица. Только пустота. Только тьма.

— Жорик, — произнёс паромщик голосом, который был шёпотом и криком одновременно, шелестом и грохотом.

Дракон фыркнул.

— Хаарон, привёл гостей, — проворчал Жорик, недовольно оглядывая воду.

— Георгий Драконович, — поправил паромщик. — Разве не так вы предпочитаете, чтобы вас...

— Жорик подойдёт, — быстро перебил дракон, косясь на меня и Полночь.

Мы с котом переглянулись. Полночь медленно моргнул —

кошачья ухмылка.

— Должок, Хаарон, — продолжил Жорик. — Я трижды тебя не съел. Перевези их.

— Трижды? — Паромщик издал звук, похожий на смех умирающего ветра. — Один раз. Один раз ты меня не съел. Дважды — я сам сбежал.

— Детали.

Пустота под капюшоном повернулась ко мне. У меня возникло чувство, что меня разглядывают — взвешивают, оценивают, изучают.

— Ведьма без памяти. — Шёпот-крик. — Интересно. Редко. Ценно.

— Воспоминание, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты берёшь воспоминание за переправу?

— Беру, — согласился перевозчик с такой поспешностью, что мне стало не по себе.

— Какое воспоминание? — спросила я, чувствуя под ногами пустоту.

Пауза. Долгая, тягучая, как чёрная вода озера.

— Самое дорогое, — ответил перевозчик с холодным довольством. — То, за которое будешь держаться до последнего.

Сердце сжалось.

Самое дорогое воспоминание? Какое? Воспоминания Елены — моей настоящей жизни в мире без магии? Или воспоминания Морганы — которых я и так не помню?

— Я... — начала я.

— Или один кошель драконьего золота вместо памяти, — перебил Жорик, недовольно щурясь. — За обоих. Выбирай, Хаарон.

Хаарон замер. Даже его балахон перестал колыхаться.

Жорик вытряхнул из потайного мешка под шейными пластинами два тяжёлых кошеля. Один бросил Хаарону, второй осторожно зацепил за ремень моего плаща.

— За переправу двоих, — буркнул он перевозчику. — А это ей на дорогу. Не вздумай забрать всё.

— Чистого. Из моей сокровищницы. — Жорик оскалился. — Считай это частью долга. И не вздумай торговаться, а то съем. На этот раз по-настоящему.

Молчание длилось вечность. Потом паромщик медленно кивнул.

— Принимаю. Садитесь.

Я посмотрела на дракона — огромного, древнего, язвительного дракона по имени Жорик, который только что заплатил за мою переправу.

— Спасибо, — выговорила я, глядя на кошель. — Не знаю, как верну долг.

— Не прошу возвращать, — проворчал он, отворачиваясь. — Просто перестань благодарить. Времени нет.

— Жорик... — я замялась, не находя слов для благодарности.

— В лодку, девочка. — Его голос смягчился на долю се-

кунды. — И не вздумай проиграть этой стерве Оксании. Мне будет скучно. Некому будет топтать мой нос и ржать над моим именем.

— Георгий, — поправила я с улыбкой. — Георгий Драконович Пламенный.

Он замер. Повернул голову, и в его янтарных глазах мелькнуло что-то тёплое.

— Жорик подойдёт, — пробормотал он. — От тебя.

Он взмыл в небо — гигантский силуэт на фоне чёрного неба, — и исчез за деревьями.

Полночь запрыгнул в лодку первым.

— Идём, дорогая. Впереди — таверна, кровать и, возможно, несколько часов сна перед следующим кошмаром.

Я ступила на причал. Доски скрипнули под ногами. И знаете что?

Впервые за всё время в этом безумном мире я почувствовала что-то похожее на надежду.

И подружилась с драконом по имени Жорик.

Глава 4

Эребсайд начинался на противоположном берегу. Я надеялась, что чужая граница окажется надёжнее ведьминого замка.

Лодка паромщика пахла тиной, забвением и чем-то ещё — чем-то древним и безнадёжным, от чего хотелось сжаться в комок и притвориться мёртвой. Что, учитывая обстоятельства, было бы иронично.

Хаарон стоял на корме, неподвижный как статуя, и правил лодкой без вёсел, без парусов — просто силой воли или магией. Под капюшоном по-прежнему была пустота, но я чувствовала его взгляд. Он смотрел на меня. Изучал. Оценивал, насколько вкусным окажется моё самое дорогое воспоминание.

Спойлер: не окажется. Жорик уже заплатил.

Полночь устроился у меня на коленях, свернувшись клубком, и мурлыкал — низко, успокаивающе, как работающий двигатель старой машины. Я гладила его за ухом, цепляясь за это ощущение реальности, пока лодка скользила по Мёртвому озеру.

Вода вокруг нас была абсолютно чёрной. Не тёмно-синей. Не серой. Чёрной — как провал в ничто. Я боялась смотреть за борт, боялась, что увижу там лица тех, кто когда-то вошёл в озеро и исчез. Или, что ещё хуже, увижу своё собственное

отражение — и оно окажется не моим.

— Не смотри в воду, — тихо сказал Полночь, не открывая глаз.

— Не собиралась, — ответила я, ещё крепче прижимая руки к себе.

— Озеро зовёт каждого, — тихо ответил кот, прижимаясь ко мне. — Только не отвечай.

Он был прав. Я чувствовала этот зов — тихий шёпот на грани слуха, обещающий... что? Покой? Забвение? Ответы на вопросы, которые я боялась задать?

— Что оно показывает? — не удержалась я.

— Твоё прошлое. Твоё будущее. Твои страхи. — Полночь зевнул, показывая острые белые клыки. — Всё, что ты хочешь забыть, и всё, что боишься вспомнить. Озеро — зеркало души. И оно лжёт так же искусно, как говорит правду.

Философия от кота. В глубокая ночь. На лодке посреди проклятого озера.

Моя жизнь окончательно съехала с рельсов реальности.

Туман сгущался по мере того, как мы приближались к противоположному берегу. Он обвивался вокруг лодки, просачивался сквозь доски, лизал мои лодыжки холодными языками. Я поджала ноги, стараясь не прикасаться ни к чему, кроме сиденья.

— Почти приплыли, — произнёс Хаарон. Его голос звучал одновременно близко и далеко, как эхо в пещере. — Ведьма без памяти скоро ступит на землю нового королев-

ства.

— У королевства есть название? — спросила я, просто чтобы заполнить тишину.

— Эребсайд. Земля между Светом и Тьмой. — Пауза. — Здесь живут те, кто не вписался ни в один из миров.

Прекрасно. Я попала в фэнтезийную зону отчуждения.

Лодка ударилась о причал — другой, но такой же полуразрушенный, как тот, с которого мы отплыли. Полночь спрыгнул первым, грациозно приземлился на доски и принялся.

— Пахнет вампирами, оборотнями и жареной курицей, — констатировал он. — Таверна близко.

Я последовала за ним, стараясь не думать о том, что под досками — та же чёрная вода, пожирающая воспоминания. Один неверный шаг, одна сгнившая доска — и я забуду, кто я такая.

Хотя, честно говоря, в моём случае это было бы не так уж страшно. Я и так не помнила половины своей жизни — жизни Морганы. А жизнь Елены... ну, редактор из Москвы, читающая любовные романы и мечтающая о приключениях. Осторожно, мечты сбываются. Особенно те, о которых лучше было бы молчать.

— Спасибо, — сказала я паромщику, хотя он не взял с меня плату.

Хаарон наклонил голову — медленно, жутко, как сломанная кукла.

— Не благодари меня, ведьма. Благодарю дракона. Он за-

платил золотом, которое не нуждается в обмене. — Пауза. — Но помни: долги имеют свойство возвращаться. Особенно драконы.

Лодка отчалила, растворяясь в тумане, и мы остались одни на берегу Мёртвого озера.

Вернее, не одни.

Из-за деревьев донеслись звуки — смех, музыка, звон кружек. Цивилизация. Люди. Или не совсем люди, учитывая замечание Полночи про вампиров и оборотней.

— Веди, — сказала я коту.

Он шёл впереди, хвост трубой, уши наострены. Идеальный разведчик. Или идеальная наживка — в зависимости от точки зрения.

Тропа петляла между деревьев, которые здесь были другими — не сосны с серебристым мхом, как в Ламинии, а какие-то корявые, сучковатые, с чёрной корой и листьями цвета запёкшейся крови. Приятное место. Прямо курорт для депрессивных готов.

И вот она — таверна.

Здание выглядело так, будто его собирали из того, что нашли на помойке. Кривые стены, покосившаяся крыша, окна разных размеров и форм, светящиеся желтоватым светом. Над дверью висела вывеска — три клыка, перекрещённых как мечи, и надпись готическим шрифтом: «Три Клыка. Добро пожаловать. Кусаться воспрещается».

— Серьёзно? — пробормотала я. — «Кусаться воспреща-

ется»?

— Вампиры, — пояснил Полночь. — У них специфическое чувство юмора.

Я толкнула дверь.

Внутри было... неожиданно уютно. Камин пылал в углу, отбрасывая пляшущие тени на стены. Деревянные столы, за которыми сидели странные личности — кто-то с клыками, кто-то с шерстью на руках, кто-то просто выглядел подозрительно нормально, что было самым подозрительным. В воздухе пахло жареным мясом, элем и чем-то сладковато-металлическим, от чего мой желудок сжался.

Кровь. Пахло кровью.

За стойкой стоял мужчина — высокий, худой, с кожей цвета молока и волосами белыми, как первый снег. Глаза — красные. Ярко-красные, как рубины или свежая кровь на снегу. Он полировал бокал белоснежной тряпкой и улыбался улыбкой, в которой было слишком много зубов.

Слишком острых зубов.

— Полночь! — воскликнул он голосом, в котором шипели все «с» и «з». — Какая нежданная радость! Сколько лет, сколько зим!

— Виктор, — кивнул кот, запрыгивая на стойку. — Всё ещё разбавляешь эль водой?

— Всё ещё ворует сосиски из кухни? — парировал вампир.

Они уставились друг на друга. Потом расхохотались —

Виктор с присвистом, Полночь с мурлыканьем.

Боже, у всех в этом мире были старые знакомые?

Виктор перевёл взгляд на меня. Красные глаза скользнули по моему лицу, фигуре, остановились на шее. Я инстинктивно прикрыла горло ладонью.

— И кого ты привёл? — Он наклонил голову, принюхиваясь. — Ведьма. Молодая. Испуганная. — Улыбка расширилась. — Вкусная.

— Не твоя, — отрезал Полночь. — Договор.

— А-а-а, — протянул Виктор разочарованно. — Договор. Конечно. Проклятый Кровавый Пакт.

Я моргнула.

— Какой договор?

Виктор изобразил обиду — театрально прижал руку к груди, закатил глаза.

— Неужели тебе не рассказали? Ведьма, не знающая истории своего народа? — Он цокнул языком. — Пятьсот лет назад вампиры и ведьмы воевали. Кровь лилась рекой. Буквально. Такие славные времена были...

— Виктор, — предупреждающе произнёс Полночь.

— Пакт запрещает нам пить кровь ведьм, а вам — проклинать вампиров, — пояснил Виктор, пряча клыки за улыбкой. — За это карают смертью. Помогать друг другу против демонов мы тоже договорились, хотя тут каждый толкует свою обязанность по совести.

Последние слова почему-то прозвучали менее уверенно.

— Значит, хотя бы укуса можно не бояться? — спросила я, не сводя глаз с его клыков.

— К сожалению, нет. — Виктор вздохнул с чувством. — Хотя кровь ведьмы — деликатес. Особенно молодой ведьмы. С привкусом магии и страха. — Он облизнул клыки. — М-м-м.

Полночь шлёпнул его лапой по руке.

— Хватит пугать девочку. Нам нужна комната. На ночь.

— Комната? — Виктор потёр руки. — Для ведьмы и кота? Какая трогательная парочка. У меня есть свободный... — он замялся, — ...гроб.

Я поперхнулась воздухом.

— Гроб?!

— Номер в форме гроба, — поправился вампир. — Эксклюзивный дизайн. Очень популярен среди клиентов с определённым... вкусом.

— Мы возьмём, — сказал Полночь, прежде чем я успела возразить.

Я хотела возразить, но кот предупредительно поднял лапу.

— Другие комнаты заняты оборотнями. Они линяют. Ты хочешь спать в шерсти?

Нет. Определённо нет.

— Гроб так гроб, — пробормотала я.

Виктор просиял.

— Отлично! Триста золотых за ночь, завтрак включён.

— Триста?! — взвизгнула я.

— Скидка для друзей Полночи, — невозмутимо пояснил вампир. — Обычно — пятьсот.

Я машинально полезла в карман и лишь тогда вспомнила кошель Жорика. Стало стыдно за собственную растерянность.

Виктор и Полночь переглянулись.

— Ну-у-у, — протянул вампир, — тогда у нас проблема.

— Никакой проблемы, — вмешался Полночь и ткнул ладонью в кошель у моего пояса. — Жорик оставил ей деньги на дорогу.

— Жорик? — Виктор присвистнул. — Дракон заплатил за ведьму? Георгий Драконович Пламенный, ненавистник всего живого и спящий, расстался с золотом ради... — он посмотрел на меня оценивающе, — ...этой девочки?

— Эй! — возмутилась я.

— Один кошель получил Хаарон, второй принадлежит ей, — кот раздражённо прижал уши. — Отсчитай триста и верни остальное. При мне.

— Совсем дракон тебя избаловал, — проворчал Виктор, взвешивая кошель на ладони.

Полночь молча придвинулся ближе к монетам. Вампир пересчитал плату, и остаток я спрятала под плащ.

— Прекрасно. — Виктор достал из-под стойки ключ — большой, чёрный, в форме летучей мыши. — Комната номер тринадцать. Второй этаж, последняя дверь слева. Завтрак с

восьми до десяти. Кровь подавать не буду, — он подмигнул мне, — договор всё-таки.

Я взяла ключ, стараясь не касаться его пальцев. Холодные. Ледяные. Как прикосновение мертвеца.

Что, в общем-то, логично.

Лестница на второй этаж скрипела под ногами, как декорации из фильма ужасов. Коридор освещался свечами в черепках — настоящих черепках, судя по всему. Из-за дверей доносились звуки: рычание, вой, чьё-то пение на незнакомом языке.

Дверь номера тринадцать была обита чёрной кожей и украшена серебряными заклёпками. Я вставила ключ, повернула — замок щёлкнул с тихим зловещим смешком.

Внутри... Внутри был гроб.

Огромный гроб посреди комнаты, обитый красным бархатом, с резными ангелами по краям и подушками внутри. Рядом стоял столик в форме надгробия, на стене висели портреты мрачных личностей в чёрном, а окно было задрапировано тяжёлыми шторами цвета запёкшейся крови.

— Уютно, — съязвила я. — Прямо как дома. Если дом — склеп маньяка.

Полночь запрыгнул в гроб, обнюхал подушки и удовлетворённо мурлыкнул.

— Чисто. Удобно. Без блох.

— Это радует, — пробормотала я, закрывая дверь на за-
сов.

Я рухнула в гроб — и, надо признать, было мягко. Подушки пахли лавандой и чем-то ещё — чем-то древним и спокойным. Моё тело ныло от усталости, ноги гудели, в голове пульсировала тупая боль.

Полночь устроился у меня на груди, тяжёлый и тёплый.
— Спи, — посоветовал он. — Завтра будет тяжёлый день.
— Как будто сегодня был лёгкий, — буркнула я, закрывая глаза.

Молчание. Долгое. Слишком долгое. Я открыла один глаз.
— Полночь?
— Слушаю, дорогая, — отозвался он, сразу насторожившись.

— Расскажи об Оксании, — попросила я, уже боясь услышать правду.

Кот замер. Его золотые глаза уставились на меня — тяжело, грустно, устало.

— Ты уверена, что хочешь знать?
— Уверена, — ответила я и крепче обняла кота.
Он вздохнул — долгий кошачий вздох, от которого его шерсть поднялась дыбом.

— Оксания не человек, — начал он тихо. — Никогда не была. Она — демоница. Существо из Бездны, из мест, где не существует света, надежды, тепла.

Моё сердце ухнуло вниз.
— Демоница? Но в книге...
— В той книге, которую ты читала, — да, — поправил

Полночь, нахмурившись. — Ты сама мне это рассказала. Здесь она веками прячет своё лицо за иллюзией. Моргана попыталась сорвать маску, а Оксания выдала разоблачение за проклятие. Даже её смех герцог мог слышать таким, каким велела демоница.

— Что она делает? — спросила я шёпотом, уже боясь ответа.

— Собирает души. — Голос кота был ровным, но я слышала дрожь в нём. — Шестьсот шестьдесят шесть душ нужны, чтобы открыть портал в Бездну. Выпустить тьму в этот мир. Превратить Ламинию — всё королевство — в часть ада.

У меня перехватило дыхание.

— Шестьсот шестьдесят шесть...

— Теперь шестьсот шестьдесят пять, — выговорил кот с трудом. — До исчезновения Морганы было на одну меньше. Она вела счёт и передавала мне сведения через нашу связь. Сегодня у озера я снова услышал её: очень далеко, будто из-за стены. Она в плену.

— Кого она выбрала? — спросила я, чувствуя, как холодеют ладони.

Молчание.

— Полночь, не молчи, — попросила я с тревогой.

— Последняя должна быть отдана добровольно тому, кто совершает обряд, — прошептал Полночь. — Из любви, ради чужого спасения. Все остальные питают тюрьму. Последняя открывает путь. Простым убийством её не заменить.

Кот посмотрел мне в глаза.

— Герцога Деймона, — выговорил кот глухо. — Ей нужен глава ордена, посвятивший жизнь свету.

Мир вокруг меня покачнулся.

— Она хочет... убить Деймона?

— Не просто убить. — Полночь прижался ко мне сильнее.

— Она хочет, чтобы он отдал душу сам. Добровольно. Из любви. Только тогда портал откроется полностью.

— Но он уже обещал на ней жениться, — выдохнула я. — Почему ей этого мало?

— Обещание брака ещё не дар души, — в голосе кота звучала горечь. — Двенадцать лет назад погибла его невеста. Моргана подозревала Оксанию, но доказательств не добыла. С тех пор святая держала герцога страхом и долгом. А для последнего шага ей нужна любовь сильнее страха смерти.

— И теперь в её игре оказалась я? — спросила я, невольно прижимая плащ к груди.

Полночь мурлыкнул — грустно, печально.

— Моргана искала тюрьму и способ её разрушить, — кот опустил голову. — Где она спрятала записи, я не знаю. Мы виделись всё реже: за ней следили. А потом она решилась разоблачить Оксанию перед герцогом.

— И не успела? — я сжала простыню в кулаке.

— Несколько дней назад Оксания вырвала её душу из тела и спрятала вместе с остальными, — проговорил кот, глядя в пол. — Тело бросили в темницу как тело преступницы. Я

думал, Моргана зовёт меня через книгу. Теперь понимаю: книга была дорогой для тебя.

— Но я заняла его место, — закончила я.

— Да, — Полночь лизнул мою руку. — Моргана успела позвать помощь. Но кому достанется её зов, не знала. Оксания видит прежнее тело и пока, похоже, не понимает, кто в нём.

Я лежала в гробу, в комнате над таверной вампира, в мире вечной ночи, и пыталась осознать всё услышанное.

Демоница, собирающая души. Портал в Бездну. Герцог, который должен умереть.

И я — редактор из Москвы в теле ведьмы, чья душа ещё жива и ждёт помощи.

— Что мне делать? — прошептала я.

Полночь закрыл глаза, зарывшись носом мне в шею.

— Сначала выжить, — кот зарылся носом мне в шею. — Моргана говорила о цепи из тридцати трёх бедствий. Оксания умеет запускать их одно за другим, отмечая жертву своим знаком. Если она пометила тебя, беды будут идти следом. Но это заклинание можно оборвать вместе с её властью над душами.

Я обняла его, зарывшись лицом в мягкую шерсть, и впервые за всё время в этом безумном мире дала себе волю.

Заплакала. Тихо, беззвучно, отчаянно.

За окном Мёртвое озеро шептало песни забвения. Внизу звякнул бокал, и я вздрогнула. Теперь даже спокойный голос

Виктора казался частью мира, в котором никому нельзя верить до конца.

Оставалась одна душа. Всего одна. И время шло.

Глава 5

Елена

Я проснулась от того, что кто-то стучал в дверь.

Не просто стучал — колотил с такой настойчивостью, будто снаружи стоял судебный пристав с повесткой на конец света. Что, учитывая мою текущую ситуацию, было вполне вероятно.

— Завтрак! — прозвучал бодрый голос Виктора, слишком бодрый для вампира, который теоретически должен был спать днём. — Кровяная колбаса, жареный бекон и свежесжатый... — пауза, полная драматизма, — ...апельсиновый сок!

Полночь поднял голову с моей груди, зевнул так, что я увидела все его зубы до последнего моляра, и пробурчал:

— Шутки старше меня, — пробурчал кот, сонно щурясь. — И всё ещё несмешные.

Я с трудом выбралась из гроба — оказывается, вылезать из гроба труднее, чем в него залезать, кто бы мог подумать — и открыла дверь.

Виктор стоял с подносом в руках, сияя улыбкой, в которой было слишком много клыков для восьми утра. Часы над лестницей только что пробили. На подносе лежали колбаса, бекон, круассаны и масло; рядом стояли сок и клубничное варенье.

— Клубничное, — пояснил он, перехватив мой взгляд. — Не кровь. Договор, помнишь?

— Спасибо, — пробормотала я, принимая поднос.

Виктор не уходил. Стоял в дверях, переминался с ноги на ногу, и его красные глаза бегали по сторонам, как у школьника, который что-то натворил.

— Что-то не так? — насторожилась я.

— Не-е-ет, — протянул он, и каждая буква была пропитана ложью. — Всё замечательно. Просто... — он кашлянул, — ...хотел предупредить. Сегодня много постояльцев. Шумных. С оружием. В чёрных плащах с символом розы.

Кровь отхлынула от лица.

— Инквизиторы?

— Возможно. — Виктор изобразил невинность. — Я не спрашивал. Нехорошо совать нос в чужие дела. Особенно если эти дела вооружены серебряными мечами.

Полночь спрыгнул с кровати и подошёл к вампиру. Медленно. Угрожающе. Шерсть на загривке поднялась дыбом.

— Виктор, — произнёс кот голосом, от которого можно было резать стекло, — что ты сделал?

— Я? — Вампир прижал руку к груди. — Ничего! Абсолютно ничего! Просто... — он облизнул клыки, — ...случайно упомянул одному путнику, что у меня остановилась ведьма с золотыми волосами и голубыми глазами. Совершенно случайно. В разговоре. Между прочим.

— За сколько? — выдохнула я.

Виктор замялся.

— Тысяча золотых. — Пауза. — И обещание, что инквизиция не будет проверять мои подвалы на предмет... незарегистрированных бочек с кровью.

Полночь зашипел. Я никогда не слышала, чтобы кот шипел с таким количеством ненависти.

— Договор! — прорычал он. — Ты предал ведьму! Нарушил Кровавый Пакт!

— В законе карают за кровь и проклятие! — выпалил Виктор, пятась к лестнице. — За донос там ни слова. Я проверял.

Полночь смотрел на него с таким отвращением, что вампир отвёл глаза.

— Ты продал её, — произнёс кот с тихой ненавистью.

— И теперь оправдываешься законом, — добавила я, чувствуя, как вместо страха поднимается злость.

Виктор был уже на лестнице, готовый сбежать.

— Мне очень жаль! — крикнул он на бегу. — Но тысяча золотых! И свобода! Ты бы поступила так же!

— Нет, — сказала я в пустоту. — Не поступила бы.

Полночь метнулся к окну, раздвинул лапой тяжёлую штору. Утро — вернее, то, что считалось утром в мире вечной ночи — было таким же тёмным, как и ночь. Луна висела на небе, огромная и равнодушная. А внизу, у входа в таверну, стояли лошади.

Много лошадей.

И всадники в чёрных плащах с вышитыми серебряными розами.

— Сколько? — спросила я, хотя не хотела знать ответ.

— Двадцать. — Голос Полночи был мрачнее склепа. —
Целый отряд. Он привёл целый чёртов отряд.

— Сам герцог? — спросила я, уже чувствуя ответ.

Кот обернулся, и в его золотых глазах я прочитала ответ раньше, чем он произнёс его вслух:

— Да, — кот опустил уши. — Он их ведёт.

Конечно. Конечно, он здесь. Потому что моя жизнь — это не просто катастрофа, это катастрофа в прямом эфире с комментариями зрителей.

— Окно, — бросила я, уже натягивая ботинки. — Мы можем сбежать через окно.

— Высоко, — кот тревожно посмотрел вниз. — Метлу удержишь?

— Придётся, — ответила я, крепче сжимая древко.

Мы метнулись к окну. Я распахнула створки, и холод ударил в лицо. Метла стояла у стены в комнате; я потянулась к ней, уже собираясь перелезть через подоконник. В этот миг дверь распахнулась.

С грохотом. С силой. С драматизмом, достойным театральной постановки. В проёме стоял он.

Герцог Деймон Люциус де Мариньи, Глава ордена Живой Розы, Охотник на ведьм номер один в королевстве и мужчина, который возглавлял охоту на меня.

Он выглядел... устало. Волосы растрепаны, щетина на щеках, глаза покраснели от недосыпа. Но меч в руке был острым, взгляд — ледяным, а на лице застыло выражение, которое я видела только на лицах палачей перед казнью.

— Моргана, — произнёс он голосом, от которого кровь стыла в жилах. — Слезай с окна. Сейчас.

Я замерла, одной ногой внутри комнаты, другой — снаружи, в самой неудобной позе в истории побегов.

— Нет, — сказала я.

Его лицо даже не дрогнуло. Каменное. Безжалостное.

— Это не просьба, ведьма. Это приказ.

— И это не согласие, инквизитор. Это отказ.

Мы уставились друг на друга. Между нами было метров пять, гроб и ненависть — его ненависть ко мне была почти осязаемой, густой, как туман над Мёртвым озером.

Полночь мяукнул — тихо, предупреждающе:

— Дорогая, у него двадцать вооружённых инквизиторов внизу.

— Я вижу, — выдохнула я. Отступить было некуда.

Полночь посмотрел на меч и замолчал. Я впервые увидела, как он отводит глаза.

Деймон шагнул в комнату. Медленно. Уверенно. Как палач, идущий к плахе.

— Ты убила двадцать три человека, — произнёс он, и каждое слово было ударом. — Отравила колодцы в пяти деревнях. Наслала чуму на скот. Украла младенцев из колыбелей.

Я моргнула.

— Что? Я ничего такого не...

— Не лги. — Он шагнул ближе, и в его глазах полыхал холодный огонь. — Святая Оксания сама засвидетельствовала твои преступления. Она видела в видении, как ты творишь зло. Она плакала, молясь за твою душу, пока ты разрушала жизни невинных.

Святая Оксания. Конечно. Демоница, которая притворяется святой, уже обвинила меня во всех смертных грехах.

— Она лжёт, — выдохнула я.

Деймон замер. Пальцы стиснули рукоять обнажённого меча так, что побелели костяшки.

— Что ты сказала?

— Оксания. Она. Лжёт.

Наступила тишина. За окном шуршал снег по карнизу, внизу скрипнули половицы. Сердце колотилось так, словно хотело выдать меня раньше, чем я открою рот.

Потом он рассмеялся.

Смех был страшнее его гнева. Холодный, пустой, лишённый всего человеческого.

— Ты смеешь... — начал он тихо, слишком тихо, — ...оскорблять святую Оксанию? Женщину, которая триста лет молится за спасение этого королевства? Которая исцеляет больных, кормит голодных, утешает скорбящих?

— Она демон! — выкрикнула я отчаянно. — Она собирает души, чтобы открыть портал в...

Я не закончила. Потому что он схватил меня за горло.

Не душил — нет, просто держал, пальцы как стальные тиски, заставляя смотреть ему в глаза.

— Слушай внимательно, ведьма, — прошипел он, и в его голосе не было ничего, кроме ледяной ярости. — Я охочусь на твою породу двенадцать лет. Двенадцать лет я сжигаю ведьм, которые лгут, обманывают, используют свои грязные чары, чтобы разрушать жизни. — Его хватка усилилась. — И все вы одинаковые. Все обвиняете святых, праведных людей в своих преступлениях. Все пытаетесь очаровать, соблазнить, заставить усомниться.

Я попыталась сглотнуть, но его рука не давала.

— Деймон...

— Герцог, — отрезал он. — Для тебя я — герцог де Мариньи. И ничего больше.

Он отпустил меня так резко, что я покачнулась. Вытер руку о плащ — демонстративно, с отвращением, словно прикосновение ко мне запачкало его.

— На колени, — приказал он.

Я не сразу поняла приказ. Потом посмотрела на серебро в его руке, и меня затошнило.

— Я сказал: на колени, ведьма. — Он вытащил серебряные кандалы с выгравированными рунами. — Или мои люди заставят тебя встать на колени. Силой.

Полночь зашипел, выгнув спину.

— Не смей к ней прикасаться, ты...

— Удержи кота, — бросил герцог вошедшему инквизитору. — Если попытается напасть — убей.

— НЕТ! — крикнула я и рухнула на колени. — Не трогайте его! Пожалуйста!

Деймон посмотрел на меня сверху вниз — холодно, оценивающе, без тени сочувствия.

— Вот так лучше. — Он наклонился, защёлкнул кандалы на моих запястьях. — Моргана из рода Тёмных Лесов, я арестовываю тебя по обвинению в колдовстве, убийстве, отравлении колодцев, насылании чумы и богохульстве против святой Оксании.

Руны на оковах вспыхнули бледно-голубым светом. Я почувствовала, как внутри что-то сжалось, сморщилось, уснуло. Магия. Моя магия — которую я толком не умела контролировать — заперлась глубоко внутри, за семью печатями серебра и древних заклинаний. Сила заперлась именно в замкнутом круге рун. Обычное серебро без них осталось бы просто металлом — Полночь успел объяснить это в таверне, но теперь знание не помогало.

Полночь попытался броситься к Деймону, шипя и выгнув спину, но инквизитор схватил его за шкуру.

— Отпусти его! — закричала я.

— Заткнись, ведьма. — Деймон даже не посмотрел в мою сторону. — Кота не тронем. Если он будет вести себя прилично.

Полночь извивался в руках инквизитора, царапался, но

его держали крепко.

— Дорогая, — прошипел кот, — не волнуйся обо мне. Я...

— Заткните ему пасть, — приказал герцог. — Не хочу слышать мяуканье всю дорогу до столицы.

Инквизитор достал кожаный намордник. Я зажмурилась, не в силах смотреть, как на Полночь надевают эту штуку.

— Встать, — бросил Деймон мне.

Я попыталась подняться, но ноги не слушались. Страх, усталость и осознание того, что меня везут на смерть, парализовали меня.

Деймон схватил меня за руку — грубо, безжалостно — и рывком поставил на ноги.

— Идти можешь? Или тащить тебя, как мешок?

— Могу, — прошипела я сквозь зубы.

— Хорошо. — Он толкнул меня к двери. — Потому что мешки я обычно бросаю по дороге.

Инквизиторы вывели меня из комнаты. Вниз по лестнице, мимо вампира Виктора, который смотрел в пол, не смея поднять глаза, мимо других постояльцев, которые перешёптывались и показывали пальцами. Метлу тоже забрали: один из инквизиторов нёс её в глушащем чехле. Даже привычная соломенная щётка казалась сейчас последним утраченным шансом.

— Это та ведьма...

— Говорят, двадцать человек убила... — испуганно прошептал кто-то у лестницы.

— Святая плакала, когда рассказывала, — ответила женщина с дрожью в голосе.

— ...наконец-то её поймали...

Полночь семенил рядом, намордник мешал ему говорить, но его золотые глаза кричали за него: «Держись, дорогая. Держись».

Меня вывели на тёмную улицу Эребсайда. У лошадей стояли двадцать инквизиторов. На плаще старшего блестела печать пограничного дозволения: соседнее королевство признало обвинение Ламинии. Озеро спасло от погони, но не от официальной выдачи.

— Посадите её на лошадь, — приказал Деймон, даже не глянув на меня. — Привяжите крепко. Если попытается бежать — бейте. Не убивайте, но бейте так, чтобы желание бежать пропало.

Меня подтолкнули к серой кобыле. Подняли на седло — грубо, не церемонясь. Привязали руки к седлу так туго, что верёвка врезалась в кожу.

Деймон сел на своего чёрного жеребца. Спина прямая, лицо каменное. Он не посмотрел на меня ни разу.

— Выдвигаемся, — приказал он холодно. — К столице. К королю. К святой Оксании, которая ждёт, чтобы лично засвидетельствовать казнь этой твари.

Тварь. Он назвал меня тварью. Отряд тронулся.

Я сидела на лошади, связанная, с магическими оковами на руках, и смотрела, как таверна «Три Клыка» остаётся позади.

Виктор стоял в дверях, считал свои тридцать сребреников — вернее, тысячу золотых — и даже не взглянул в мою сторону.

Полночь сидел в сумке у седла бородатого инквизитора. Намордник мешал ему говорить; только золотые глаза над краем сумки следили за мной, полные ярости.

Деймон ехал впереди. Прямая спина, гордая посадка. Он даже не обернулся.

Я была для него никем. Ведьмой. Преступницей. Тварью, которую нужно доставить к святой Оксании для справедливого возмездия.

А святая Оксания... демоница в обличье ангела... ждала меня.

Ждала, чтобы казнить. Или что-то похуже.

Я не знала, что она планирует дальше. Я провела здесь всего одну ночь, а уже боялась не только за себя. За кота. За дракона. За людей, которые даже не знали, кто держит их мир во тьме.

Вечная ночь становилась ещё темнее, когда мы ехали на восток, к столице.

К казни. К концу.

Глава 6

Елена

Знаете, что самое унижительное в том, чтобы быть узницей инквизиции?

Не кандалы. Не верёвки, врезающиеся в кожу. Не даже тот факт, что тебя везут на казнь.

Самое унижительное — это когда тебе нужно в туалет, а охранники спорят, кто должен тебя развязывать.

— Я прошлый раз водил, — бурчал один инквизитор, почёсывая бороду.

— Ты водил ведьму из Западных Болот, — парировал второй. — Эта — новая. Не считается.

— Мне всё равно, кого ты водил, — раздражённо буркнул бородач. — Бери ключ.

Второй зло сплюнул под ноги, но ключ всё-таки взял.

Я сидела на земле, привязанная к дереву, и думала о том, что моя жизнь окончательно превратилась в фарс. Причём не смешной фарс, а такой, от которого хочется плакать и смеяться одновременно.

Полночь лежал рядом, всё ещё в наморднике, и его золотые глаза красноречиво говорили: «Дорогая, мы в глубоком дерьме».

Спасибо, кэп. Не заметила.

— Заткнитесь оба, — рывкнул знакомый холодный голос.

Герцог Деймон вышел из-за деревьев, застёгивая плащ. Он, в отличие от своих подчинённых, не имел проблем с личной гигиеной в лесу. Привилегии власти.

— Развяжите ведьму, — приказал он, даже не глядя на меня. — Один из вас пойдёт с ней. Держите меч у её горла. Если попытается сбежать — режьте. Не убивайте, но режьте так, чтобы бежать расхотелось.

Какой джентльмен. Прямо рыцарь моих мечтаний.

Инквизитор — тот, что с бородой — нехотя развязал верёвки. Я попыталась встать, но ноги затекли так, что я рухнула обратно, как подстреленный олень.

— Вставай, — бросил инквизитор.

— Пытаюсь, — прошипела я сквозь зубы. — Кровообращение, знаете ли, штука важная.

Он грубо подхватил меня под руку, поставил на ноги. Мир закружился. Я покачнулась, но он держал крепко — одной рукой за локоть, другой приставив холодное лезвие к моей шее.

— Быстро, — буркнул он. — И никаких фокусов.

Я поковыляла в кусты, стараясь не думать о том, что за мной следует мужик с мечом. Конфиденциальность — это для людей с правами. У ведьм прав не было.

Когда я вернулась — живая, невредимая, не попытавшаяся сбежать — меня снова привязали к дереву. Туже, чем раньше.

— Герцог приказал не кормить тебя до вечера, — сооб-

щик бородатый инквизитор с плохо скрытым удовольствием.

Живот заурчал. Вчерашний завтрак в таверне я так и не успела съесть. После ареста нас переправили обратно через озеро на грузовом пароме, ночь провели на пограничной заставе, а теперь второй день трясли по дороге к столице. Во рту пересохло от голода и злости.

— Воды хотя бы дайте, — попросила я, стараясь не звучать умоляюще.

Инквизитор посмотрел на своего товарища. Тот пожал плечами.

— Герцог не запретил воду.

Мне принесли флягу. Я пила жадно, неаккуратно, вода текла по подбородку, но мне было всё равно. В этот момент я готова была продать душу за глоток чистой воды.

Хотя, если честно, моя душа сейчас стоила не очень дорого. Подержанная ведьмина душа со скидкой: всего за одну казнь получите бесплатное вечное проклятие!

Полночь наблюдал за мной, и я видела, как он злится. Шерсть на загривке стояла дыбом, хвост хлестал по земле, как кнут. Намордник мешал ему говорить, но я знала, что он сказал бы: «Дорогая, это издевательство. Это нарушение всех мыслимых прав. Это...»

— Мяу? — жалобно произнёс он сквозь кожаные ремни. Моё сердце сжалось.

— Снимите с него эту штуку, — попросила я инквизиторов. — Пожалуйста. Он не опасен.

— Кот ведьмы всегда опасен, — отрезал бородач. — Они умеют говорить, читать мысли, насылать проклятия...

— Он просто кот! — выкрикнула я. — Живое существо, которому тяжело дышать!

— Заткнись, ведьма.

Я заткнулась. Не потому что испугалась. А потому что поняла: бесполезно. Для них я не человек. Я — вещь. Опасная, грязная вещь, которую нужно доставить к месту утилизации.

Отряд отдыхал ещё час. Инквизиторы жевали вяленое мясо, пили эль из фляг, шутили. Я сидела, привязанная к дереву, и смотрела, как Деймон стоит в стороне, изучая карту.

Он ни разу не взглянул в мою сторону. Ни. Разу.

Словно между нами не было того поцелуя в темнице. Словно я не помнила, как его губы обжигали мои.

Стоп. Это было колдовство. Он сам сказал. Я его зачаровала. Непреднамеренно, но зачаровала. И теперь он ненавидит меня за это ещё сильнее.

Логично. Рационально. Справедливо. И чертовски больно.

— Выдвигаемся! — крикнул герцог, сворачивая карту. — До столицы ещё три дня пути. Хочу добраться до деревни Кривой Лог к вечеру. От заставы шла длинная дорога в обход лесных провалов; с пленницей и обозом отряд не мог двигаться напрямик.

Меня развязали от дерева, швырнули на лошадь, снова привязали. Процедура отточена до автоматизма. Интересно,

сколько ведьм они так перевозили?

Мы ехали. И ехали. И ехали.

Лес сменился полями под инеем. Здесь выращивали морозную рожь: она питалась слабым светом луны и магических камней, но давала скудный урожай. Без таких посевов триста лет ночи не пережило бы ни одно королевство.

А потом мы слышали крик.

Протяжный, отчаянный, полный горя крик, от которого кровь стыла в жилах.

Деймон поднял руку — отряд остановился. Инквизиторы схватились за мечи, оглядываясь по сторонам.

— Что это? — спросил один.

— Идём посмотрим, — приказал герцог.

Мы свернули с дороги, поехали на звук. И вскоре увидели.

Ферма. Маленькая, убогая ферма с покосившимся сараем и домом, из трубы которого шёл дым. А рядом с сараем стоял мужик — старый, в заплатанной одежде — и рыдал над...

Боже. Коровы.

Десять коров лежали неподвижно. Глаза открыты, изотков течёт чёрная пена. Я решила, что они мертвы, и у меня перехватило дыхание.

— Что случилось? — спросил Деймон, спешиваясь.

Старик поднял голову. Лицо в слезах, руки тряслись.

— Милорд... — прохрипел он. — Они... они просто упали. Утром были здоровы, а к полудню... всё стадо... мёртвое... Я разорён... Моя семья... мы умрём с голоду...

Инквизиторы переглянулись. Один из них — самый молодой, с лицом, на котором ещё не выросла борода — пробормотал:

— Колдовство. Это колдовство.

— Конечно колдовство! — закричал старик. — Проклятая ведьма прошла мимо моей фермы вчера! Я видел её! Золотые волосы, голубые глаза! Она посмотрела на моих коров и прокляла их!

Все головы повернулись ко мне. О нет. О нет, нет, нет.

— Я не... — начала я.

— Заткнись, — рявкнул Деймон.

Он подошёл к коровам, присел на корточки, осмотрел одну из них. Провёл пальцем по чёрной пене, понюхал.

— Яд, — констатировал он. — Но не обычный. Магический.

— Я не убивала коров! — закричала я отчаянно. — Я даже не была здесь вчера!

— Вчера она была под вашей охраной, — прохрипел Полночь. Бородатый наконец снял с него намордник, чтобы дать воды, и теперь растерянно замер с флягой. — С самой таверны. Как она могла сюда попасть?

— Кот не свидетель, — отрезал герцог. — Кот — пособник ведьмы.

Он встал, вытер руку о плащ и посмотрел на меня. В его глазах не было сомнений. Только холодная уверенность.

— Ещё одно преступление к списку, — произнёс он ров-

но. — Убийство скота. Разорение семьи. Обречение невинных людей на голод.

— Проверьте хотя бы дорогу! — выкрикнула я, уже задыхаясь от бессилия. — Вы же сами везли меня!

— Хватит, — отрезал он, даже не посмотрев на стражников. От этого отказа стало страшнее, чем от обвинения.

Я задыхалась от бессилия и ярости. Это была ловушка. Кто-то подстроил это. Кто-то убил коров и обвинил меня.

Оксания. Это могла быть только она.

— Святая Оксания предупреждала, — тихо сказал молодой инквизитор. — Она говорила, что ведьма Моргана несёт смерть и разрушение. Что она проклята демонами.

— Замолчи, — бросила я ему. — Твоя святая Оксания — лгунья и...

Деймон ударил меня.

Не сильно. Не кулаком. Просто ладонью по щеке — резко, хлёстко, унижительно.

— Ещё одно слово против святой, — прошипел он, — и я заткну тебе рот кляпом на всю оставшуюся дорогу.

Щека горела. Глаза наполнились слезами — не от боли, а от унижения.

Полночь зашипел, выгнув спину, но инквизитор пнул его сапогом. Кот отлетел, жалобно мяукнул.

— Не трогайте его! — закричала я.

— Тогда следи за языком, ведьма.

Старик рыдал, обнимая неподвижную корову. Из дома

выбежала худая испуганная женщина и опустилась рядом.

И тут я почувствовала. Магию.

Она всколыхнулась внутри меня — глубоко, за серебряными оковами, за рунами и печатями. Заворочалась, как зверь в клетке. И прошептала:

Ты можешь помочь. Я моргнула. Что?

Они ещё не ушли. Я ощутила под холодными боками едва заметное тепло: яд погрузил животных в оцепенение, похожее на смерть. Пока эта искра не погасла, их можно спасти.

Но оковы...

Через оковы я могла только чувствовать чужую жизнь. Для исцеления требовалось снять серебро. Придётся просить его. И надеяться, что он выслушает.

Я посмотрела на коров. На рыдающего старика. На его жену, которая причитала: «Как мы проживём? Что будем есть?»

Потом на Деймона, который смотрел на меня с холодным презрением.

И приняла решение.

— Я могу их вылечить, — сказала я тихо.

Все замерли.

— Что? — переспросил герцог.

— Коров. В них ещё теплится жизнь, — я сглотнула, боясь ошибиться. — Если развяжете меня и снимете оковы, я попробую вывести яд. Иначе они умрут.

Деймон рассмеялся. Звук был лишён всякого веселья.

— Ты думаешь, я идиот, ведьма? Развяжу тебя, ты сотворишь свои грязные чары, сбежишь...

— Я не сбегу, — перебила я. — Куда я сбегу? Вы меня на лошади догоните за минуту. Но эти люди... они умрут без скота. Позвольте мне помочь.

— Ведьмы не помогают, — прорычал он. — Ведьмы убивают. Разрушают. Обманывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.